

11. Ujells G. Chelovek-nevidimka. Available at: <http://lib.ru/INOFAANT/UELS/invisibl.txt>.

12. Shklovskij V. B. Gamburskij schet: jesse, stat'i, vospominanija (1914-1933). Moscow, Sovetskij pisatel', 1990. 544 p.

13. Shklovskij V. B. Jenergija zabluzhdenija Kniga o sjuzhete. Izbrannoe: in 2 vol. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1983, Vol. 2, pp. 308–636.

ИМПЛИКАЦИОНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ИРОНИЧЕСКОМ МОДУСЕ

Заврумов Заур Асланович, кандидат филологических наук, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357350, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

В статье рассматривается иронический текст и иронический контекст с позиций наличия корреляций между ними, устанавливается иерархия соотношений между конкретными видами иронии и контекста, что предопределяет систематизацию знаний об иронии как многоуровневом феномене. Импликационал иронического текста непротиворечиво вписывается в координаты контекстуального манифестирования иронического высказывания.

Ключевые слова: внешний контекст, внутренний контекст, иронический текст, субъективная модальность, интенция, ирония, импликационал

THE IRONIC TEXT AND IRONIC CONTEXT: SYSTEM CORRELATIONS

Zavrumov Zaur A., Candidate of Philological Sciences, Professor, Prorector for research and development of intellectual potential, Pyatigorsk State Linguistic University, 357350, Russia, Stavropol territory, Pyatigorsk, etc. Kalinin, 9.

In article the ironical text and an ironical context from positions of existence of correlations between them is considered, the hierarchy of ratios between concrete types of irony and a context that predetermines systematization of knowledge of irony as a multilevel phenomenon is established. Implikatsional of the ironical text consistently fits into coordinates of contextual manifesting of the ironical statement.

Keywords: the external context, an internal context, the ironical text, a subjective modality, intension, irony, implikatsionat

Феномен иронии, многообразно интерпретируемый в общегуманитарной научной парадигме, приобретает особый статус в постмодерне, когда становится очевидной невозможность оригинальности и первозданности в творческом и онтологическом смыслах. Наиболее важным маркером такой иронии, несомненно, выступают кавычки, позволяющие поливариативно интерпретировать тексты. Значимым в этом смысловом поле оказывается и явление языковой игры, которое задает вектор провоцирования интеллектуальных усилий реципиента иронического дискурса. Ирония не настаивает на единственном варианте интерпретации дискурса, а позволяет формировать амбивалентный ракурс экспликации предмета изображения. Постмодернистский автор вводит в свой текст иронический метатекст как комментарий, целью которого становится реализация иронической маски трикстера, который способен аннигилировать ожидания читателя, его стереотипы, а также, в конечном счете, рациональность бытия. Иронический дискурс обнаруживает способность к многоуровневому символическому кодированию текста.

Лингвистический механизм иронии и его результаты имеют амбивалентный характер ввиду неоднозначности оценки и широкого спектра эмоций, обусловленных ироническим воздействием. В целом можно говорить о глобальных сомнениях социума, обладающего ироническим мировоззрением, в наличии абсолютных ценностей, что детерминирует тотальный пессимизм, цинизм, деконструкцию мифов. Ирония в отношении первоисточников становится основой для компилятивности дискурсов, для множественности вариантов развития событий в нарративе, что свидетельствует о деструктуризации логических причинно-следственных отношений.

Одним из определяющих условий для продуцирования иронического дискурса является семантический конфликт, возникающий при формировании аномальных высказываний: коммуникативная интенция, нацеленная на комический эффект, предполагает и языковую игру как «лингвистический эксперимент» с нестандартным употреблением лексем и их сочетаний. Безусловно, анализ таких нестандартных употреблений позволяет не только установить креативный потенциал текста, но и выявить периферийные значения слов, которые пока никак не задействованы в узусе.

Ироническое переосмысление значения языковой единицы имеет в своей основе желание продуцента дискурса выразить свое отношение к фактам действительности, но сделать это имплицитно путем такого истолкования данной единицы, которое противоречит словарному. Именно наличие такого противоречия и выступает значимым маркером наличия иронии, а также способствует корректной интерпретации смысла иронического высказывания. Его импликационал реализуется благодаря контексту, причем реципиент осознает иронический смысл благодаря столкновению этого контекста с неироническим пониманием высказывания. Это несоответствие, столкновение обуславливает ироническое переосмысление. Противоречие между эксплицитным и имплицитным смыслами, присутствующими в высказывании одновременно, способствует нарушению линейности дискурса / текста, что и составляет в самом общем виде лингвистический механизм иронии.

Иронический модус повествования является следствием авторской иронической позиции как критической по отношению к реальности, свидетельствующей к тому же об аналитичности его индивидуально-авторской картины мира. Имманентность языковой игры ироническому модусу базируется на амбивалентности человеческой психики, что детерминирует ведущую роль игрового принципа когнитивной деятельности: «Архетип духа может служить и добру, и злу, и это зависит от свободного выбора, т.е. сознания человека; добро может обратиться и во зло» [6, с. 336].

Художественный текст практически вовлекает читателя в эстетическую игру, направленной на создание художественного мира, в котором реальный и ирреальный миры сосуществуют. Эксплицитные и имплицитные смыслы, запечатленные художественным текстом, составляют его семантическое пространство как «воплощение мотивов, намерений и интенций его автора; это пространство реконструируемое, соответствующее той ментальной модели, которая создается реципиентом для понимания и интерпретации текста. Экпликация ассоциативных связей позволяет автору донести до читателя необходимую информацию; свободные и индивидуальные авторские ассоциации становятся направленными на читателя, который ощущает их субъективность как основную черту текста» [2, с. 156].

Семантическое пространство художественного текста, включая маркеры аксиологической системы автора и значимые для него смыслы, способно влиять на сознание реципиента. Онтологическая тематика определяет важность в художественном тексте этических норм и аномалий, что, естественно, не исключает и эстетического эффекта, производимого игровыми принципами: «Игра имеет склонность быть красивой. Этот эстети-

ческий фактор, по всей вероятности, тождественен стремлению творить, что оживляет игру во всех ее видах и обликах. Слова, с помощью которых мы можем именовать элементы игры, принадлежат большей частью сфере эстетического» [5, с. 17–21].

Позиция «человека играющего» (Й. Хейзинга) позволяет сознательно осуществлять особый вид речевого поведения, который обнаруживает креативность продуцента дискурса / текста, в том числе, в нарушении языковых норм и транспиривании дискурсивных аномалий: «эффект языковой игры возникает в результате наложения (взаимопересечения) реализованной и нереализованной тенденций использования и / или конструирования знака. Столкновение этих разнонаправленных тенденций создает ассоциативный контекст восприятия соответствующей единицы речи, которая всегда осознается на фоне породившего ее языкового «прототипа»» [2, с. 158]. Импликационал иронии наиболее полно реализуется при обращении продуцента дискурса / текста к прецедентным текстам, которые способны акцентировать внимание на скрытых, но нацеленных на обнаружение реципиентом, смыслах.

Корректная интерпретация авторского замысла, в том числе и иронических высказываний, возможна только в макроконтексте, «только в отношении ко всей системе и совокупности его идей, т.е. <в отношении> к его мировоззрению как идеологической структуре» [3, с. 212], причем такие внетекстовые отношения «входят в плоть художественного произведения как структурные элементы определенного уровня» [Там же], формируя метатекст.

Импликационал художественного текста имеет системный характер, его концептуальная и функциональная целостность манифестируется в координатах семантического текстового пространства. Организация импликационала посредством разноуровневых единиц позволяет проводить анализ с помощью логических категорий, лингвистических и экстралингвистических знаний, иерархия которых соответствует смысловым регистрам имплицатур. Семантическое единство пространства текста сохраняется, несмотря на различные способы манифестирования его импликационала. Это происходит благодаря наличию когнитивной основы интерпретации имплицитных смыслов – языковой концептосфере и фонду прецедентных феноменов конкретной лингвокультуры: «Прецедентный текст всегда формирует концепт. Любой текст, формирующий концепт в сознании данного языкового коллектива, непременно становится прецедентным для этого коллектива. Прецедентные тексты являются основными единицами существующей в сознании носителей языка текстовой концептосферы» [4, с. 52].

Иронический модус продуцируется посредством реализации субъективной модальности, чему способствует её аксиологическая составляющая. Ирония, как известно, всегда оценочна: сталкивая противоположные оценки в одном текстовом / дискурсивном сегменте, она совмещает эксплицитный и имплицитный планы высказывания. Ирония способна совместить в неожиданном ракурсе в одном контексте разные объекты в отношениях со- и противопоставления, что роднит её с метафорой, которая так же, как и ирония, имеет две и более плоскости сигнификации.

В иронии наиболее значительными оказываются семантические отношения, отражающие модификации означаемого языковых знаков и динамический характер связей означаемого и означающего. Безусловно, данный процесс происходит не только в сфере художественного текста как высшем проявлении языковой игры, но и в повседневном использовании языка, в котором присутствуют игровые моменты. При риске коммуникативной неудачи, сопровождающем любую языковую игру, коммуникативно-прагматический эффект, производимый ею при корректной интерпретации смысла высказывания, довольно значителен. Кроме того, эффективное использование языковой игры позволяет уточнить социокультурный статус продуцента дискурса.

Суть языковой игры состоит в намеренном нарушении конвенционального использования языковых знаков, что, безусловно, предполагает наличие у неё свода собственных правил, которые способствуют рецепции и интерпретации дискурса – «правил нарушения правил» языковой системы. Анна Вежбицкая отмечает обличительность правил в дефиниции игры: "... (h) they (people) know what they can do they know what they cannot do" [8, с. 159].

Для большинства исследователей приоритетной функцией языковой игры остается развлекательная: «Философы и психологи считают игру одним из фундаментальных свойств человеческой природы. Это вид деятельности, который не преследует каких-то конкретных практических целей. Цель игры – доставить удовольствие людям, которые принимают в ней участие...» [1, с. 138]. Однако следует особо подчеркнуть, что языковая игра имеет коммуникативно-прагматические цели, чему находим подтверждение и в рассуждениях Й. Хейзинги о игре как типе поведения: «Игра – это функция, которая исполнена смысла. В игре вместе с тем играет нечто выходящее за пределы непосредственного стремления к поддержанию жизни, нечто, вносящее смысл в происходящее действие. Всякая игра что-то значит» [5, с. 3].

Языковая игра, усложняя смысловую структуру высказывания, прежде всего, манифестирует метауровневое использование языковых знаков, что подтверждает, в том числе, и значимость для коммуникантов сознательного изменения соотношений формы и содержания языковых знаков в контексте. Такой ракурс позволяет рассматривать иронию как многоуровневый когнитивный феномен, в котором реализуются дополнительные онтологические смыслы. Л. Хатчеон подчеркивает, что юридическая функция – одна из многих, реализуемых иронией в дискурсе [7], что не позволяет определять основную функцию языковой игры как развлекательную, т.к. ирония как её частный случай отражает социально-властные отношения участников коммуникации.

В процессе иронической коммуникации не соблюдается принцип коммуникативной кооперации, т.к. в традиционной модели каждый знак реализует одно значение, а ирония способствует углублению импликационала текста / дискурса. Ирония как результат семиозиса обращена к модификации содержания, а не к трансформациям. Языковой знак в ироническом высказывании реализует два значения – буквальное и имплицитное, что делает возможным рассмотрение семантики иронии в двух ракурсах – как последовательные отношения между значением и ситуацией и как параллельные связи, образующиеся в ходе когнитивной деятельности реципиента по обработке прямого и переносного значений. Благодаря второму подходу могут быть подвергнуты анализу не только классические случаи иронии как тропа, но и ирония как коммуникативно-прагматической, лингвокультурной и когнитивной феномен в целом.

Результатом языковой игры выступает семантическая девиация, реализуемая на разных уровнях языка – от слова до высказывания и текста. Ирония не принадлежит ни к какому уровню, т.к. её формирование и манифестирование в тексте / дискурсе сопряжено с контаминированием разноуровневых языковых средств. Ирония является частным случаем вторичной номинации, по преимуществу семантического процесса, в то время как использование знаков в их прямом значении представляет собой семиотический процесс. Семиотический процесс нацелен на понимание, семантический – как на понимание, так и на интерпретацию. Иронический дискурс / текст всегда предполагает творческое использование языка, в котором языковая игра выступает одним из способов создания иронического модуля.

Список литературы

1. Горелов И. Н. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1997. 303 с.
2. Кузнецова А. Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация // *European social science journal*. – Рига – Москва, 2011, № 5. – С. 155-161.

3. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 202 – 212.
4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
5. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. П.: Прогресс-Академия. 1992. 464 с.
6. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. М. ; Киев : Совершенство; Порт-Рояль, 1997. 384 с.
7. Hutcheon L. Irony's edge. The theory and politics of irony. N.Y., 1994.
8. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. Oxford University Press, 1996. 500 p.

Referens

1. Gorelov I.N. Osnovy psiholingvistiki. M.: Labirint, 1997. 303 с.
2. Kuznetsova Anna V. Hudozhestvennyy tekst v kognitivnoy paradigme: semanticheskoe prostranstvo i kontseptualizatsiya // European social science journal. Riga – Moskva. 2011, № 5. pp. 155–161.
3. Lotman Yu.M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta // Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya / Pod red. V.P. Neroznaka. M., 1997. pp. 202–212.
4. Slyishkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokulturnye kontseptyi pretsedentnyh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2000. 128 p.
5. Heyzinga Y. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya. P: Progress-Akademiya. 1992. 464 p.
6. Yung K.G. Dusha i mif: shest arhetipov. M. ; Kiev : Sovershenstvo; Port-Royal, 1997. 384 p.
7. Hutcheon L. Irony's edge. The theory and politics of irony. N.Y., 1994.
8. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. Oxford University Press, 1996. 500 p.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ БЛОГИ КАК ФОРМА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Максимова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева 20а, e-mail: nmaksimova11@yandex.ru.

В статье рассматриваются особенности писательских блогов, основные черты и функции. Блог послужил исходной моделью для порождения оригинальных литературных форм в художественной практике ряда современных авторов. Онлайн-дневники стали для писателей «художественной мастерской», а специфические особенности онлайн-структуры – элементами поэтики современной прозы.

Ключевые слова: блог писателя, блогосфера, дневник, медиа, жанр

A WRITER IN THE BLOGOSPHERE: SOME ASPECTS OF THE PROBLEM

Maksimova Natalia V., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: nmaksimova11@yandex.ru.

This article discusses the features of writers' blogs, the main features and functions. Blog served as a source to generate original literary forms in the artistic practice of a number of contemporary authors. Online diaries have become for